

Актуальные тенденции методологии истории психологии в свете философско-методологических проблем историографии*

В. А. Рафикова^а, И. А. Мироненко

Санкт-Петербургский государственный университет,
Российская Федерация, 199034, Санкт-Петербург, Университетская наб., 7–9

Для цитирования: Рафикова В. А., Мироненко И. А. Актуальные тенденции методологии истории психологии в свете философско-методологических проблем историографии // Вестник Санкт-Петербургского университета. Психология. 2021. Т. 11. Вып. 4. С. 312–325.
<https://doi.org/10.21638/spbu16.2021.402>

В статье рассматриваются особенности развития истории психологии в свете общих тенденций развития историографии. Обсуждаются характеристики исторического знания в целом, а также выделяются дискуссионные, проблемные точки в развитии исторической науки; поднимаются вопросы связи истории науки, в частности истории психологии и истории как науки в целом. На материале отечественных и зарубежных источников по истории развития исторической науки приводятся основные тенденции истории как отрасли научного знания, а также ее особенности в свете влияния постмодернистских тенденций, такие как критика историцистского подхода, отказ от идеи направленности исторического процесса, актуализация идей исторического релятивизма и проблемы соотношения исторического факта и его репрезентации, следствия «лингвистического поворота». Показано, что развитие истории психологии в основном происходит в соответствии с тенденциями развития исторической науки, а именно: здесь также наблюдается поворот в понимании и концептуализации исторического опыта и исторического факта, происходит осознание необходимости пересмотра границ предмета изучения и фокуса исследования, постепенный отказ от позитивистских тенденций и революция в отношении к тексту как историческому материалу. Выделяются специфические особенности истории психологии, обусловленные ее интегрированностью в психологическую науку и характеристиками научного сообщества историков психологии. Также в результате анализа тенденций развития отечественной психологической науки показано, что общим направлением ближайшего развития как для исторической и психологической наук, так и для истории психологии является осознание необходимости концептуализации такого явления, как контекст; а также, несмотря на доминирование в отечественной психологии позитивистских тенденций, выражающихся в первую очередь в стремлении к поиску закономерностей исторического процесса (в данном случае — процесса развития психологического научного знания), были отмечены сдвиги в понимании необходимости расширения предмета исследования и поиска новых философских и методологических оснований.

Ключевые слова: история психологии, философия истории, методология историографии.

* Исследование выполнено при поддержке гранта РФФИ № 20-313-90004, а также гранта РФФИ № 20-013-00260.

^а Автор для корреспонденции.

Введение

История психологии — не только специфическая форма знания, академическая дисциплина или отрасль гуманитарного знания, как, например, общая история, философия науки или собственно сама психология; история психологии — это также особая форма познавательной деятельности ученого, и в качестве таковой она является одним из инструментов формирования научной картины мира. Обращение к истории психологии представляется сегодня крайне важным, в том числе в силу наметившихся тенденций к глобализации научного знания, требующих систематизации и обобщения. Современное психологическое исследование немислимо без учета исторического и культурного контекста, в который помещен тот или иной изучаемый психологический феномен; это справедливо для всех сфер психологического знания, будь то когнитивная или социальная психология. В контексте историчности последней из названных сфер рассуждал социальный психолог К. Джерджен (K. Gergen): «Если мы внимательно присмотримся к главным исследовательским направлениям в социальной психологии последнего десятилетия, мы обнаружим, что зафиксированные здесь закономерности, а следовательно, и теоретические принципы жестко привязаны к текущим историческим обстоятельствам. Историческая зависимость психологических принципов особенно заметна в тех сферах социальной жизни, которые представляют интерес для широкой публики» (Джерджен, 1995, с. 37). Так, на наш взгляд, способы построения истории психологии заслуживают большего внимания.

Философско-методологические проблемы историографии

Значительную долю в современных исследованиях занимают вопросы «истории истории», «метаистории», саморефлексии науки. Существует множество подходов к описанию исторического процесса. Остановимся на тех, на основе которых сформировался современный дискурс о возможностях и ограничениях исторического знания. Так, первый подход к изучению истории вслед за К. Поппером (K. Popper) мы обозначим как «историцизм». На наш взгляд, это наиболее удобное и «объемное» определение для всех тех типов подходов к историческому знанию, которое сам Поппер обозначил как «такой подход к социальным наукам, согласно которому принципиальной целью этих наук является историческое предсказание, а возможно оно благодаря открытию “ритмов”, “моделей”, “законов” или “тенденций”, лежащих в основе развития истории» (Поппер, 1993, с. 53). Оно включает в себя несколько хронологически первых подходов в истории развития исторического знания: идеалистический (гегельянский) подход, основанный на идее систематической философии, идее абсолютного духа как подлинной реальности, принимающей различные формы в ходе своего развития, марксистский подход, заключающийся в эссенциалистском прочтении истории и являющийся крайним выражением линейного прочтения исторического процесса. Также выделяется позитивистский подход в истории, выросший из идей контовского позитивизма, который в какой-то момент повлиял практически на все сферы научного и претендующего на статус научного знания (в том числе и истории). Он предполагает наличие определенных законов, которые позволяют ответить на вопрос, почему

история выстраивается именно таким образом, а не иным (суть этого подхода ярко выражают слова американского антрополога Дж. Даймонда (J. Diamond): «Я надеюсь, мне удастся убедить вас, что история, вопреки циничному афоризму, — это не “перечисление чертовых фактов”. У истории действительно есть общие закономерности, и пытаться найти им объяснение — занятие не только плодотворное, но и увлекательное» (Даймонд, 1997, с. 7), а также многие другие, менее популярные подходы, такие как теологический и др.

Из вышеперечисленных подходов к истории именно кризис позитивистского подхода является, пожалуй, символом если не полной смены парадигм, то, как минимум, камнем преткновения и точкой бифуркации в осмыслении возможности существования законов в историческом процессе. Кульминация кризиса позитивизма и, если брать более широко, историцизма проявляется в споре знаменитых немецких историков: Э. Мейера (E. Meyer) и К. Лампрехта (K. Lamprecht). Позже другой знаменитый историк Р. Дж. Коллингвуд (R. G. Collingwood) опишет этот спор так: «Мейер начинает с детальной и глубокой критики позитивистской тенденции в историографии, господствовавшей в девяностых годах... Задача истории, понимаемой таким образом, сводится к выявлению определенных социальных и психологических типов жизни, следующих друг за другом в определенном порядке. Мейер цитирует Лампрехта как ведущего представителя этой теории. Лампрехт различает шесть таких типов-фаз в жизни немецкой нации и распространяет свой вывод на всякую национальную историю. Но при таком анализе, говорит Мейер, живые картины истории разрушены, а их место заняли расплывчатые общности, ирреальные фантомы. Результат — торжество пустых лозунгов» (Коллингвуд, 1980, с. 170).

Таким образом, историцизм — взгляд на исторический процесс как на нечто, что подчинено определенным законам, которые не зависят от действий людей (вклад отдельного индивида, безусловно, не отрицается, однако он подчиняется всеобщим законам) — подразумевает понимание истории как раскрытие таких законов. Так, в качестве примера историцизма можно привести концепцию Аврелия Августина (Aurelius Augustinus), согласно которой история движется по пути воссоединения людей с Богом, веру О. Конта (A. Comte) в неизбежность социального прогресса, учение Г. Гегеля (G. Hegel) и его последователей о стадиях развития абсолютного духа и представлениях об «идеальном государстве», прогнозы К. Маркса (K. Marx) на основе его исторического материализма и веру в неизбежность «гибели капитализма», сторонников концепции «конца истории» Ф. Фукуямы (Fukuyama, 1992) и идеи, изложенные в знаменитом «Закате Европы» О. Шпенглера (O. Spengler), который, при всем своем скепсисе относительно идеи социального прогресса, все равно оказывается историцистом, так как, с его точки зрения, все цивилизации проходят определенные стадии развития (момент юности, расцвета и упадка), что тоже можно считать закономерностями (Spengler, 1991). Итак, историцистский подход отличает вера в некую предопределенность и заданность, вне зависимости от того, верит ли историк в некую «конечную точку», к которой в итоге приведет исторический процесс (как Гегель, Маркс, Фукуяма) или просто ограничивается установлением законов, по которым развивается то или иное общество.

Примером критики историцизма являются работы К. Поппера «Открытое общество и его враги» и «Нищета историцизма»: автор считает, что «вера в исто-

рическую необходимость является предрассудком и предсказать ход истории с помощью научных или каких-то иных рациональных методов невозможно» (Поппер, 1993, с. 3); схожую позицию в этом отношении высказывает и Р. Арон (R. Aron), который, в противовес историцизму, утверждает идею свободы истории: она, по его мнению, никаким образом не детерминирована, не написана заранее; она непредсказуема, точно так же, как человек для самого себя. «Никакая история не имеет абсолютно универсального характера, но окончательная причина этой специфики заключается не в том, что каждое настоящее видит прошлое иначе. Эта причина исходит из более глубокой истины: никакая история не имеет завершенного характера, потому что значение или смысл фиксируется только в конце эволюции. Универсальная история — это биография, почти автобиография человечества: как и смысл всякого существования, смысл существования человечества может быть исчерпан только в том случае, если это приключение будет завершено», — пишет Р. Арон (Арон, 2000, с. 59).

Примечательно, что в свое время теория К. Лампрехта явилась революционной по отношению к доминирующей в XIX в. в Германии теории Л. фон Ранке (L. von Ranke), которую Лампрехт считал «грудой сырого фактического материала» (Прохоренко, 2010, с. 28), а уже в начале XX в. в результате очередного переворота в позитивизме и философии науки взгляд на историю как на нейтральную по своей природе «грудку фактов» с легкой руки К. Поппера предстал более выгодно на фоне разгромной критики любых попыток обнаружить скрытые закономерности исторического процесса.

Таким образом, в истории развития исторической мысли мы можем обнаружить по крайней мере два принципиально различных подхода к изучению истории: историцизм (включающий в себя идеализм, позитивизм, теологизм, цивилизационизм и др.) и методологический номинализм. Дискуссия о возможности применения идеи существования каких бы то ни было закономерностей в историческом процессе периодически разбавлялась вопросами о принципиальной (не)возможности исторического познания познающим субъектом, и в дихотомию «историцизма — номинализма» время от времени добавлялось измерение в виде проблемы «объективности/субъективности», которая связана, в первую очередь, с осознанием научным сообществом кризиса идеи позитивизма первой волны, особенно применительно к гуманитарным областям знания. Эта проблема хорошо отражена в высказывании русского философа А. Ф. Лосева: «...легче всего понять историю как ряд фактов, причинно связанных между собою», но «факты сами по себе глухи и немые», следовательно «история всегда есть история понятых или понимаемых фактов (причем понятых или понимаемых, конечно, с точки зрения личностного бытия)» (Лосев, 1991, с. 129).

В обсуждаемом нами ракурсе проблемы исторической области знания важно обозначить философско-методологический перелом в развитии истории, который послужил основой для постепенного становления так называемой «новой историографии», или исторической науки эпохи постмодерна, для которого характерно, в первую очередь, недоверие к претендующим на всеобъемлемость объяснительным моделям и «большим системам».

Как выразился А. И. Филюшкин, «постмодернизм серьезно расшатал основы, но не сверг традиционную историческую науку, а она не смогла найти достойного

ответа на постмодернистский вызов, но все-таки устояла» (Филюшкин, 2000, с. 72). Веками накапливавшиеся проблемы исторического описания оформились в нечто под эгидой «новой историографии». Обозначим предпосылки и своего рода «точки разрыва», которые если и не обозначают собой формирование качественно нового направления или школы в изучении истории, то, как минимум, проводят линию демаркации с так называемой «традиционной» историей и формируют поле, позволяющее задавать новые вопросы.

Принципиальный отказ от идеи направленности исторического процесса.

Принципиально важным (и подвергающимся критике со стороны представителей «новой историографии») здесь является взгляд на историю как на процесс, имеющий направление. Задавание историческому процессу любого рода координат, будь то линейность или цикличность, использование метафоры «развития и нисхождения», «прогресса и упадка», «эволюции и инволюции» стали представляться историкам сомнительными еще в конце XIX в., после спада популярности веры в «социальный прогресс» и какие-то конечные точки, к которым с неизбежностью должно прийти человечество или отдельное сообщество. Критика идеи направленности истории обрела новое, еще более глубокое значение в период осмысления последствий двух мировых войн, когда представшая перед человечеством необходимость тотального пересмотра всех ценностей подвергла сомнению любые оценочные суждения по поводу собственной истории.

Лингвистический поворот. Начало этого поворота некоторые историки относят к 1990-м гг. (Прохоренко, 2010, с. 42), однако корни его лежат в структуралистской революции первой половины XX в. в лингвистике и во многом в аналитической философии. Интерес Г. Фреге (G. Frege) к языку, некогда ставший революционным и во многом повлиявший на направление мысли Б. Рассела (B. Russell), Л. Витгенштейна (L. Wittgenstein) и других представителей аналитической философии, сегодня кажется чем-то очевидным: принципиальная соотносимость символа и значения, означаемого и означающего — это всего лишь удобная иллюзия; следовательно, отношение текста и того, что мы подразумеваем под «реальностью», которую он описывает, так же сложно поддается описанию. Проблема языка не могла не отразиться и на исторической науке: историк как никто другой сталкивается с тем, что единственная реальность, которая доступна ему на самом деле, — это реальность текста. Сам текст, в свою очередь, — не отражение реальности, не свидетельство, не призма, через которую историк смотрит на исторический факт. В каком-то смысле язык становится уже не средством, а целью. Этот поворот в историописании нашел отражение в трудах современных историков, таких как Х. Уайт (H. White; ум. в 2018), Д. ЛаКапра (D. LaCapra), Ф. Анкерсмита (F. Ankersmit) и др., и сегодня является мощной традицией в истории и даже неким символом эпохи постмодерна в исторической науке.

Размывание фрейма как признак эволюции исторического знания. Следствием лингвистического поворота стало переосмысление фокуса исследования историка; одной из попыток переосмысления проблемного поля, связанного с поиском предметной области исторической науки, стал предложенный Ф. Анкерсмитом концепт фрейма как своего рода рамы, которая позволяет провести границу между прошлым и настоящим, между тем, что находится непосредственно в фокусе исследователя, и тем, что составляет общий, фоновый контекст. Анкерсмит,

проводя аналогию между границами исторического текста и рамой для картины, пишет, что историческому тексту необходим аналог такой рамы, так как в нем, так же как и в картине, представлена ситуация, которая лежит вне поля зрения познающего — смотрящего на картину или, как в нашем случае, читателя исторического текста. Важно отметить, что для Анкерсмита эволюция исторической науки проявляется в том числе и благодаря постоянному расширению этого фрейма, в который заключен исторический текст (Ankersmit, 1989, p. 22).

Идея исторического релятивизма. Кризис позитивизма привел многих ученых не только к скепсису относительно возможности установления закономерностей исторического процесса, но и относительно его познаваемости в принципе. Наиболее ярким представителем исторического релятивизма является Б. Кроче (B. Croce), разработавший идею признания активной роли личности в процессе исторического познания. Б. Кроче, чьи взгляды претерпели множество изменений, одним из первых артикулировал тот кажущийся сегодня очевидным факт, что историк всегда подходит к прошлому с позиций современности, что не может не сказываться на «степени прозрачности» и достоверности исторической реальности. «Всякая подлинная история всегда современна», поскольку мы «познаем ту историю, которую важно знать в данный момент», — писал историк (Кроче, 1998, с. 10). Продолжением этой мысли являются принципы профессиональной истории, сформулированные Р. Дж. Коллингвудом, согласно которым историк имеет право составлять собственное мнение по той или иной проблеме. Идея невозможности достоверности познания исторического факта в его реальной данности привела Коллингвуда и других историков «нового типа» к принципиально важному выводу: любая интерпретация исторического факта — это с неизбежностью высказывание личного мнения исследователя. Этот принцип отразился в высказывании В. Дильтея (W. Dilthey), приведенном в труде Х.-Г. Гадамера (H.-G. Gadamer): «Первое условие возможности исторической науки состоит в том, что я сам являюсь историческим существом, что историю исследует тот же, кто ее творит» (цит. по: Гадамер, 1988, с. 271).

Пересмотр концепции исторического факта. В основе этой проблемной точки лежит идея уже упомянутого выше исторического релятивизма, последствия принятия которой становятся проблемой в первую очередь для познающего субъекта (читателя или историка). Одно из таких следствий заключается в том, что знание факта сложно отличить от знания интерпретации этого факта. Эта проблема получила развитие в эпоху уже упомянутого лингвистического и, в частности, нарративного поворота конца XX в.; так, один из представителей этого направления, философ истории Ф. Анкерсмит предупреждает, чем чреват традиционный взгляд на историю: вводя понятие «эффекта реальности», он доказывает, что стремление историков как можно более полно и «правдоподобно» описать какой-то исторический факт совершенно наивно, так как в сущности мы не можем достоверно ответить на вопрос о том, что есть этот исторический факт. Попыткам со всей полнотой и достоверностью описать Французскую революцию должно предшествовать понимание о том, что вообще такое Французская революция. Именно в этом, по мнению современных философов истории, заключается большое упущение: стремясь к правдоподобию, историки пытаются «реконструировать», «воссоздать» исторический факт, забывая (или, может быть, попросту не догадываясь) о том, что они сами каждый раз заново создают этот исторический факт (Ankersmit, 1989, p. 28).

Отказ от идеи историцизма. Продолжая предыдущий тезис о предмете познания историка в виде исторического факта, необходимо сказать и о тенденциях пересмотра уровня фокусировки этого предмета. Так, цитируя Д. ЛаКапра, О. В. Гавришина приводит ссылку на следующее высказывание, которое, на наш взгляд, наиболее полно отражает суть данного тезиса: «новая историография» не разделяет иллюзий «историцизма» в его традиционном понимании исторического прошлого как существующего независимо от историка. Впервые в рамках профессионального исторического знания историку более не предъявляется требования рассматривать предмет изучения в «историческом контексте» (Гавришина, 1997, с. 53). На первый план выходит идея примата исторического текста над реальным историческим контекстом, первичности репрезентации факта по отношению к самому факту.

Таким образом, актуальное состояние исторической науки представляется нам как пространство полилога различных дискурсов, а не как кризис парадигм, что можно проиллюстрировать очень метким выражением Л. М. Баткина: «...каждый виток вечных эпистемологических проблем исторического знания не повторяет предыдущих, а продолжает усложнять картину и раскручивать спираль. Я низко кланяюсь позитивизму, марксизму, веберизму, неокантианству, структурализму, школе “Анналов”, постмодернизму... В наших головах все эти методологии, эти культурные голоса (“смыслы”) не снимаются, никуда не исчезают. Пространство исторической рефлексии расширяется и становится все более артикулированным. Надо думать, это, собственно, и есть исторический синтез? — он предстает не в виде результата и данности. А как путь к нему...» (Баткин, 1995, с. 209)

Основные тенденции развития истории психологии

История психологии как отдельная отрасль знания, вслед за самой психологией, пока считается относительно молодой областью исследовательского интереса. Поэтому, говоря об истории психологии как о самостоятельной отрасли знания, необходимо учитывать, что период ее становления — намного более короткий относительно эволюции истории науки и истории вообще, что придает ей свои особенности. Тем не менее в ее развитии нам кажется возможным отметить актуальные тенденции, сходные с тенденциями в развитии общей историографии, в контексте так называемой «новой историографии»:

- постепенный отказ от идеи направленности исторического процесса;
- размывание фрейма как признак эволюции исторического знания;
- идея исторического релятивизма;
- пересмотр концепции исторического факта;
- отказ от идеи историцизма.

Говоря о соотношении особенностей эволюции исторического знания с этапами развития истории психологии, стоит отметить, что дискуссии вокруг тенденций, которые мы вслед за К. Поппером обобщаем под термином «историцизм», и последующие попытки отойти от радикально позитивистских методологических оснований, не повлияли на отказ от использования этих оснований в исследовательском поиске; то же справедливо и для способа написания истории как пере-

числения последовательности фактов, биографий значимых ученых или описания разных научных школ. Последний из описанных подходов к структурированию текста по истории психологии представлен работами одного из первых историков психологии Э. Боринга (E. Boring) — в них освещается эволюция взглядов психологического сообщества и их методологических позиций по отношению к изучению разных психологических феноменов (Boring, 1929; 1942). Если же говорить о подходе к написанию истории, включающем поиск закономерностей развития психологического знания, необходимо отметить творчество М. Г. Ярошевского: его концепция исторической психологии как науки построена на основе объединения логико-философского и психологического измерений развития научного знания. Ядром концепции М. Г. Ярошевского выступает категориальный аппарат, в котором, по сути, дан предмет психологии и который включает в себя как уровни, которые являются неизменными на протяжении всей эволюции научного знания (либо, как минимум, признаются представителями разных научных школ определенной исторической эпохи), так и уровни, которые являются специфическими и присущи локальным школам или эпохам. Преобразования в соотношении между этими пластами категориального аппарата и являются вехами в развитии научного знания, составляя его логику: «...первейшей задачей исторической психологии науки является диагностика представленности в творчестве конкретного ученого достигнутого им при продвижении по категориальной шкале. Лишь в этом случае он вырисовывается как историческая фигура» (Ярошевский, 1995, с. 21). Стремление к поиску внутренней логики развития науки в исторических исследованиях может быть продиктовано особенностями развития самой психологии: когда психология находилась на этапе «открытого кризиса» и в то же время стремилась отстоять свой научный статус, в психологическом сообществе не раз возникали дискуссии по поводу необходимости выстраивания теоретико-методологических основ психологических исследований по канонам естественных наук. Подобные стремления периодически возникают и в исторической науке; после кризиса позитивизма попытки поиска исторических закономерностей особенно ярко проявились в связи с появлением новых цифровых возможностей, усовершенствованием методов работы с большими базами данных и т. д. Такая тенденция хорошо иллюстрируется следующими словами А. Р. Лурии: «Даже и крупные достижения в отдельных более узких проблемах не остаются без влияния на установление той группы обязательных для всех смежных наук принципов, которую можно назвать основной методологией эпохи» (Лурия, 1925, с. 47).

Современное состояние методологии истории психологии нельзя охарактеризовать однозначно: например, в российском дискурсе сегодня, на наш взгляд, по-прежнему преобладают позитивистские тенденции. Однако ведущий историк психологии В. А. Кольцова пишет, что предметом историографии истории психологии выступает «изучение как внутренней логики и закономерностей развития научного историко-психологического знания, так и рассмотрение генезиса историко-психологической мысли в широком социально-культурном контексте, т. е. связи и взаимодействия с вненаучными формами познания» (Кольцова, 2004, с. 343). В этом прослеживается отмеченная нами выше тенденция к размыванию фрейма, которую Ф. Анкерсмит называет критерием развития исторического знания: «Обоснованным является утверждение о необходимости расширения проблемного поля истории

психологии за счет включения в него психологических идей, развивающихся в русле различных форм вненаучного обыденного знания» (Кольцова, 2008, с. 216), а предпосылки к этому, по мнению автора, были намечены еще в середине XX в. (Кольцова, 2008, с. 222). Эта тенденция проявляется также и в попытке расширить предмет исследования до изучения философских оснований: примером осмысления истории психологии через философскую призму является и труд Я. Вальсинера (Valsiner, 2012): автор постулирует любое научное знание как культурное по своей сути и, исследуя причины нелинейного развития социальных наук, одновременно граничащих с естественными и гуманитарными областями знания, приходит к выводу, что сегодня происходит постепенный «захват» области создания научных знаний другими социальными институтами, заинтересованными в защите и продвижении знаний, которые служат их социальным интересам. В российской традиции истории психологии большую роль сыграли работы упомянутого выше М. Г. Ярошевского, который еще в середине XX в. писал о трансформациях и типах проявления принципа детерминизма в науке, проблема определения которых остается актуальной и по сей день, особенно в свете развития социально-гуманитарного знания (Ярошевский, 1961). Поиск новых философско-методологических ориентиров в понимании самого предмета истории психологии, необходимость его расширения, отмечает В. А. Мазилков: по его мнению, история психологии «должна отражать наличие различных потоков в психологическом знании; отражать достижения не только психологической науки, но и психологической практики; учитывать достижения ненаучного и вненаучного знания; должна быть ориентирована на интеграцию психологического знания, обнаружение в позициях различных исследователей не только очевидных различий, но и сходства, акцентирование общего» (Мазилков, 2014, с. 98).

Говоря о сопоставлении тенденций развития истории психологии с эволюцией истории вообще, необходимо отметить и работу Д. Лири (D. Leary), который проанализировал эволюцию психологического знания через категорию метафоры (Leary, 1994), в чем можно увидеть влияние так называемого «лингвистического поворота».

Одной из общих тенденций развития исторической науки и истории психологии является изменение в понимании исторического опыта. Так, в последних работах по истории психологии мы можем наблюдать поворот мысли в сторону актуальных тенденций западного общества: к ним относятся, в первую очередь, либерально-гуманистические ценности, проявляющиеся, помимо прочего, в обращении к проблемам женщин в науке, проблемам меньшинств, а также в ориентализме (в книге Дж. Ф. Бреннана (J. F. Brennan) и К. А. Худе (K. A. Houde) «History and Systems of Psychology» есть отдельная глава, посвященная вкладу женщин в становление ранней американской психологической науки, главы «Feminism and American psychology: the science and politics of gender» и «Inclusiveness, identity, and conflict in late 20th century American psychology» есть в книге «A History of Modern Psychology in Context» авторов У. Э. Пикрена (W. E. Pickren) и А. Рутерфорд (A. Rutherford)). В книге «History and Systems of Psychology» авторы обращаются к традиции восточной мысли, что отражает наметившийся в середине XX в. кризис «психологии WASP» (Мироненко, Журавлев, 2019, с. 88).

Важные тенденции в развитии исторического знания, выраженные в концепции фрейма Ф. Анкерсмита, резонируют и с дискуссиями по поводу контекстуаль-

ности психологического знания, которые активно развиваются в последние десятилетия: «...современная психология исходит из многомерности мира существования человека, что предполагает поиск способов его описания и соответствующей этой многомерности вариативности возможных форм взаимодействия человека с окружающим миром» (Гришина, 2018, с. 11). Развитие идей К. Левина (K. Lewin), в первую очередь в русле обращения к ситуационному подходу, выражается во все большем осознании психологическим сообществом необходимости концептуализации контекста.

Заключение

Методология истории психологии как области научного знания, находящейся на пересечении исторической и психологической наук, испытывает влияние процессов, имеющих место в развитии как исторической науки, так и психологической. В настоящей статье актуальные современные проблемы и наметившиеся тенденции в методологии истории психологии, такие как наметившаяся трансформация предмета исследования и осознание необходимости концептуализации конкретно-исторического контекста развития психологического знания, рассмотрены через призму сопоставления с особенностями эволюции общей историографии.

Анализ развития исторической науки позволил нам выделить ряд актуальных тенденций, которые были сопоставлены нами с особенностями развития современной методологии истории психологии. В качестве таковых отмечены: постепенный отказ от позитивизма и историцизма как методологического основания и объяснительного принципа социально-культурных феноменов и утверждение релятивистских тенденций; постепенный отказ от идеи направленности исторического процесса; размывание фрейма как признак эволюции исторического знания; пересмотр концепции исторического факта; переосмысление понятия предмета исторического исследования; влияние лингвистического поворота на понимание природы изучаемых историками явлений. Предложено объяснение изменений, происходящих в методологии истории психологии, в свете понимания научного знания как культурно обусловленного феномена. Так, культурно-исторические изменения, в частности — изменения в сфере научного знания являются отражением таких особенностей современной постнеклассической науки как стремление к междисциплинарности научных исследований, актуализация этических проблем приложения их результатов и осознание необходимости осмысления роли научного знания в общем культурном контексте.

Литература

- Анкерсмит Ф. Р.* История и тропология: взлет и падение метафоры / пер. с англ. М. Кукарцевой, Е. Коломоец, В. Катаевой. М.: Прогресс-Традиция, 2003.
- Анкерсмит Ф. Р.* Нарративная логика. Семантический анализ языка историков / пер. с англ. О. Гавришиной, А. Олейникова; под ред. Л. Б. Макиевой. М.: Идея-Пресс, 2003.
- Арон Р.* Избранное: Введение в философию истории / пер. с фр. И. А. Гобозова. М.: Пер Сэ; СПб.: Университетская книга, 2000.
- Барт Р.* Дискурс истории // Система моды: статьи по семиотике культуры / сост., пер. с фр. и вступ. ст. С. Зенкина. М.: Изд-во им. Сабашниковых, 2003. С. 427–441.
- Баткин Л. М.* Полемиические заметки. М.: Наука, 1995.

- Бахтин М. М. Собрание сочинений: в 7 т. Т. 6. Проблемы поэтики Достоевского. М.: Русские словари, 2002.
- Блок М. Апология истории, или Ремесло историка / пер. с фр. Е. М. Лысенко; отв. ред., примеч. и вступ. ст. А. Я. Гуревича. 2-е изд., доп. М.: Наука, 1986.
- Гавришина О. В. Историческая наука в ситуации «постмодерна». По материалам работы Ф. Р. Анкерсмита «Эффект реальности в трудах историков» (Ankersmit F.R. The reality effect in the writing of history. Amsterdam etc.: Knkl. Nederl. Acad. Van wet. Noord-holl, 1988, 37 p. 1) // Социальные и гуманитарные науки. Отечественная и зарубежная литература. Сер. 5. История: Реферативный журнал. 1997. № 2. С. 49–70.
- Гадамер Х.-Г. Истина и метод: Основы филос. герменевтики / пер. с нем.; общ. ред. и вступ. ст. Б. Н. Бессонова. М.: Прогресс, 1988.
- Гришина Н. В. Проблема концептуализации контекста в современной психологии // Социальная психология и общество. 2018. Т. 9, № 3. С. 10–20. <https://doi.org/10.17759/sps.2018090302>
- Даймонд Дж. Ружья, микробы и сталь. История человеческих сообществ. М.: АСТ, 2003.
- Джерджен К. Дж. Социальная психология как история // Социальная психология: саморефлексия маргинальности / ред.-сост. Е. В. Якимова. М.: ИНИОН РАН, 1995. С. 23–50.
- Карицкий И. Н. Новейшая история российской психологии по страницам журнала «Методология и история психологии» (2006–2018 гг.) // Научные труды Московского гуманитарного университета. 2019. № 1. С. 134–147.
- Коллингвуд Р. Дж. Идея истории. Автобиография / пер. и коммент. Ю. А. Асеева; ст. М. А. Кисселя; отв. ред.: И. С. Кон, М. А. Киссель; Академия наук СССР. М.: Наука, 1980.
- Кольцова В. А. История психологии: Проблемы методологии. М.: Институт психологии РАН, 2008.
- Кроче Б. Теория и история историографии / пер. с ит. И. М. Заславской. М.: Языки русской культуры, 1998.
- Лосев А. Ф. Философия. Мифология. Культура. М.: Политиздат, 1991.
- Лурия А. Р. Психоанализ как система монистической психологии // Психология и марксизм: сб. ст. / под ред. К. Н. Корнилова. Л.: Госиздат, 1925. С. 47–80.
- Люк Х. История психологии: методология и методы // Ярославский педагогический вестник. 2017. № 5. С. 194–203.
- Мазилов В. А. История психологии и философия психологии: необходимо взаимодействие // Вестник ВятГУ. 2014. № 2. С. 94–100.
- Мироненко И. А. Биосоциальная проблема и становление глобальной психологии. М.: Институт психологии РАН, 2019.
- Мироненко И. А., Журавлев А. Л. Биосоциальная проблема в контексте глобальной психологической науки: об универсальных характеристиках человека // Психологический журнал. 2019. Т. 40, № 6. С. 87–98.
- Нестик Т. А., Журавлев А. Л., Юревич А. В. Прогноз развития психологической науки и практики к 2030 г. // Ярославский педагогический вестник. 2016. № 5. С. 177–192.
- Поппер К. Р. Ниццета историцизма / пер. с англ. С. Кудриной. М.: Прогресс — ВИА, 1993.
- Прохоренко И. А. Основные направления зарубежной историографии Всеобщей истории (от древности до конца XX века). Тольятти: ТГУ, 2010.
- Удальцов В. Г., Мрочко Л. В. Социально-философское осмысление истории: необходимость и значимость // Экономические и социально-гуманитарные исследования. 2017. № 2 (14). С. 49–54.
- Филлошкин А. И. Постмодернистский вызов и его влияние на современную теорию исторической науки // Топос. Философско-культурологический журнал. 2000. № 3. С. 67–78.
- Ярошевский М. Г. Проблемы детерминизма в психофизиологии XIX века. Душанбе, 1961.
- Ярошевский М. Г. Историческая психология науки. СПб.: Изд-во Международного фонда истории науки, 1995.
- Ankersmit F.R. The reality effect in the writing of history: the dynamics of historiographical topology. Noord-Hollandsche: Koninklijke Nederlandse Akademie van Wetenschappen, 1989.
- Boring E. G. Sensation and perception in the history of experimental psychology. New York: Appleton-Century, 1942.
- Boring E. G. A History of Experimental Psychology. New York: Century, 1929.
- Danziger K. Constructing the subject: Historical origins of psychological research. New York: Cambridge University Press, 1990.
- Dussen W. J. van der, Ankersmit F.R. The reality effect in the writing of history. The dynamics of historiographical topology // BMGN — Low Countries Historical Review. 1994. No. 109 (3). P. 452–453.
- Fukuyama F. The End of History and the Last Man. New York: Free Press, 1992.

- Leary D. E. *Metaphors in the History of Psychology*. New York: Cambridge University Press, 1994.
- Rutherford A. *History's mysteries demystified: Becoming a psychologist-historian // American journal of psychology*. 2009. Vol. 122, no. 1. P. 117–129.
- Spengler O. *The Decline of the West*. New York: Oxford UP, 1991.
- Valsiner J. *A guided science: history of psychology in the mirror of its making*. New Brunswick: Transaction Publishers, 2012.
- Wertheimer M. *A brief history of psychology*. San Diego: Harcourt College Publishers, 2000.
- Zhuravlev A. L., Mironenko I. A., Yurevich A. V. *Psychological science in the global world // Herald of the Russian Academy of Sciences*. 2018. Vol. 88, no. 5. P. 385–393.

Статья поступила в редакцию 19 июля 2021 г.;
рекомендована в печать 9 сентября 2021 г.

Контактная информация:

Рафикова Вероника Айдаровна — аспирант; veronikarafikova1996@gmail.com
Мироненко Ирина Анатольевна — д-р психол. наук; mironenko.irina1@gmail.com

Actual tendencies of the methodology of the history of psychology in light of the philosophic and methodological problems of historiography*

V. A. Rafikova^a, I. A. Mironenko

St. Petersburg State University,
7–9, Universitetskaya nab., St. Petersburg, 199034, Russian Federation

For citation: Rafikova V. A., Mironenko I. A. Actual tendencies of the methodology of the history of psychology in light of the philosophic and methodological problems of historiography. *Vestnik of Saint Petersburg University. Psychology*, 2021, vol. 11, issue 4, pp. 312–325.
<https://doi.org/10.21638/spbu16.2021.402> (In Russian)

The article examines the features of the development of the history of psychology in light of the general trends in the development of historiography. The characteristics of historical knowledge as a whole are discussed, debated, and the problematic points in the development of historical science are highlighted. Questions are raised concerning the relationship between the history of science, in particular, the history of psychology and history as a science in general. Based on the material of domestic and foreign sources on the history of the development of historical science, the main trends of history as a branch of scientific knowledge are provided, as well as its features in view of the influence of postmodern trends, such as criticism of the historicist approach, rejection of the idea of the direction of the historical process, actualization of the ideas of historical relativism and the problem of correlating historical fact and its representation, a consequence of the “linguistic turn”. It is shown that the development of the history of psychology mainly occurs in accordance with trends in the development of historical science. There is a turn in the understanding and conceptualization of historical experience and historical fact and there is an awareness of the need to revise the boundaries of the subject of study and the focus of research, a gradual rejection of positivist tendencies and revolution in relation to the text as historical material. The article highlights the specific features of the history of psychology as a result of its integration into psychological science and the characteristics of the scientific community of historians of psychology. Also, due to the analysis of the trends in the development of Russian psychological science, it is indicated that the general direction of the nearest development both for the historical and psychological

* The study was supported by the Russian Foundation for Basic Research, projects no. 20-313-90004 and 20-013-00260.

^a Author for correspondence.

sciences, and for the history of psychology, is the awareness of the need to conceptualize such a phenomenon as context. Also, despite the dominance of positivist tendencies in Russian psychology, expressed first of all in the desire to search for patterns of the historical process (in this case, the process of development of psychological scientific knowledge), shifts were noted in understanding the need to expand the subject of research and search for new philosophical and methodological grounds.

Keywords: history of psychology, philosophy of history, methodology of historiography.

References

- Ankersmit, F.R. (1989). *The Reality Effect in the Writing of History: The dynamics of historiographical topology*. Noord-Hollandsche, Koninklijke Nederlandse Akademie van Wetenschappen.
- Ankersmit, F.R. (2003). *History and Topology: The Rise and Fall of Metaphor*. Moscow, Progress-Traditsiia Publ. (In Russian)
- Ankersmit, F.R. (2003). *Narrative logic. A Semantic Analysis of the Historian's Language*. Moscow, Ideia-Press Publ. (In Russian)
- Aron, R. (2000). *Selected: Introduction to the Philosophy of History: An Essay on the Limits of Historical Objectivity (Introduction à la philosophie de l'histoire)*. Moscow, Per Se; St. Petersburg, Universitetskaya kniga Publ.
- Bart, R. (2003). *The discourse of history. The fashion system: articles on semiotics of culture* (pp. 427–441), ed., transl. from French, introd. by S. Zenkin. Moscow, Sabashnikov Publ. (In Russian)
- Batkin, L. M. (1995). *Polemic notes*. Moscow, Nauka Publ. (In Russian)
- Bakhtin, M. M. (2002). *Collected works: in 7 vols. Vol. 6. Problems of Dostoevsky's poetics*. Moscow, Russkie slovari Publ. (In Russian)
- Blok, M. (1986). *An apology for history or the craft of a historian*, transl. from French by E. M. Lysenko; execut. ed., notes and introd. by A. Ia. Gurevich. 2nd ed., suppl. Moscow, Nauka Publ. (In Russian)
- Boring, E. G. (1929). *A History of Experimental Psychology*. New York, Century.
- Boring, E. G. (1942). *Sensation and perception in the history of experimental psychology*. New York, Appleton-Century.
- Collingwood, R. G. (1980). *The Idea of History. Autobiography*, transl. and comm. by Iu. A. Aseev; art. by M. A. Kissel'; execut. eds: I. S. Kon, M. A. Kissel'. Moscow, Nauka Publ. (In Russian)
- Croce, B. (1998). *Theory and history of historiography*, transl. from Ital. by I. M. Zaslavskaya. Moscow, Yazyki russkoi kul'tury Publ. (In Russian)
- Danziger, K. (1990). *Constructing the subject: Historical origins of psychological research*. New York, Cambridge University Press.
- Diamond, D. M. (2003). *Guns, Germs, and Steel: The Fates of Human Societies*. Moscow, AST Publ. (In Russian)
- Dussen W. J. van der, Ankersmit F. R. (1994). The reality effect in the writing of history. The dynamics of historiographical topology. *BMGN — Low Countries Historical Review*, 109 (3), 452–453.
- Filiushkin, A. I. (2000). Postmodern challenge and its impact on the modern theory of historical science. *Topos. Filosofsko-kul'turologicheskii zhurnal*, 3, 67–78. (In Russian)
- Fukuyama F. (1992). *The End of History and the Last Man*. New York, Free Press.
- Gavrishina, O. V. (1997). Historical science in a "postmodern" situation. Based on the work of F.R. Ankersmit "The reality effect in the writing of history". (Ankersmit F.R. The reality effect in the writing of history. Amsterdam etc.: Knkl. Nederl. Acad. Van wet. Noord-holl, 1988, 37 r. 1). *Social'nye i gumanitarnye nauki. Otechestvennaya i zarubezhnaya literatura*. Ser. 5. Istoriya: Referativnyi zhurnal, 2, 49–70. (In Russian)
- Gadamer, H.-G. (1988). *Truth and Method*, transl. from German; gen. ed., introd. by B. N. Bessonov. Moscow, Progress Publ. (In Russian)
- Gergen, K. J. (1995). Social psychology as history. *Social'naya psihologiya: samorefleksiya marginal'nosti* (pp. 23–50), red.-sost. E. V. Yakimova. Moscow, INION RAN Press. (In Russian)
- Grishina, N. V. (2018). The problem of conceptualizing context in modern psychology. *Social'naya psihologiya i obshchestvo*, 3 (9), 10–20. (In Russian)
- Karitskii, I. N. (2019). The newest history of Russian psychology through the pages of the journal "Methodology and History of Psychology" (2006–2018 gg.). *Nauchnye trudy Moskovskogo gumanitarnogo universiteta*, 1, 134–147. (In Russian)

- Kol'tsova, V. A. (2008). *The history of psychology: problems of methodology*. Moscow, Institut psihologii RAN Press. (In Russian)
- Leary, D. E. (1994). *Metaphors in the History of Psychology*. New York, Cambridge University Press.
- Losev, A. F. (1991). *Philosophy. Mythology. Culture*. Moscow, Politizdat Publ. (In Russian)
- Luriya, A. R. (1925). Psychoanalysis as a system of monistic psychology. *Psihologiya I marksizm: sb. st.* (47–80), ed. by K. N. Kornilov. Leningrad: Gosizdat Publ.
- Liuk, H. (2017). History of psychology: methodology and methods. *Yaroslavskii pedagogicheskii vestnik*, 5, 194–203. (In Russian)
- Mazilov, V. A. (2014). History of psychology and philosophy of psychology: interaction needed. *Vestnik VyatGU*, 2, 94–100. (In Russian)
- Mironenko, I. A. (2019). *Biosocial problem and the formation of global psychology*. Moscow: Institut psihologii RAN Press. (In Russian)
- Mironenko, I. A., Zhuravlev A. L. (2019). Biosocial problem in the context of global psychological science: on the universal characteristics of a person. *Psihologicheskii zhurnal*, 6 (40), 87–98. (In Russian)
- Nestik, T. A., Zhuravlev, A. L., Iurevich, A. V. (2016). Forecast of the development of psychological science and practice by 2030. *Yaroslavskii pedagogicheskii vestnik*, 5, 177–192.
- Popper, K. P. (1993). *The Poverty of Historicism* / transl. from Eng. By S. Kudrina. Moscow: Progress VIA Publ. (In Russian)
- Prokhorenko I. A. (2010). *The main directions of foreign historiography of General history (from antiquity to the end of the 20th century)*. Tolyatti: TGU Publ. (In Russian)
- Rutherford, A. (2009). History's mysteries demystified: Becoming a psychologist-historian. *American journal of psychology*, 1 (122), 117–129.
- Spengler, O. (1991). *The Decline of the West*. New York: Oxford UP.
- Udal'tsov V. G., Mrochko L. V. (2017). Socio-philosophical understanding of history: necessity and significance. *Ekonomicheskie i sotsial'no-gumanitarnye issledovaniia*, 2 (14), 49–54. (In Russian)
- Valsiner, J. (2012). *A guided science: history of psychology in the mirror of its making*. New Brunswick, Transaction Publishers.
- Wertheimer, M. (2000). *A brief history of psychology*. San Diego, Harcourt College Publishers.
- Yaroshevskii, M. G. (1961). *Problems of determinism in psychophysiology of the 20th century*. Dushanbe. (In Russian)
- Yaroshevskii, M. G. (1995). *Historical psychology of science*. St. Petersburg: Izd-vo Mezhdunarodnogo fonda istorii nauki. (In Russian)
- Zhuravlev, A. L., Mironenko, I. A., Yurevich, A. V. (2018). Psychological Science in the Global World. *Herald of the Russian Academy of Sciences*, 5 (88), 385–393.

Received: July 19, 2021
Accepted: September 9, 2021

Authors' information:

Veronika A. Rafikova — Postgraduate Student; veronikarafikova1996@gmail.com
Irina A. Mironenko — Dr. Sci. in Psychology; mironenko.irina1@gmail.com